
СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

В. М. АЛПАТОВ

О ЦЕНЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Общеисторическая тенденция к возрастанию цены индивидуальной человеческой жизни проявляется в различных культурах и регионах планеты неравномерно. Это обстоятельство часто служит подоплекой межнациональных отношений и реальных политических событий.

Данный текст навеян статьями А. П. Назаретяна и А. М. Буровского в первом номере журнала «Историческая психология и социология истории». В них ставится вопрос о меняющейся роли насилия в разные исторические эпохи, тесно связанный с вопросом о цене человеческой жизни, которая, во-первых, неодинакова у разных народов и исторически изменчива, а во-вторых, может иметь различную цену в одном и том же обществе (скажем, царь и раб, соплеменник и иноплеменник). Этот вопрос традиционно недооценивается историками и социологами, хотя нередко оказывается важен, а обращение к нему может помочь объяснить весьма разные события.

1. Во французском парламенте в годы Реставрации обсуждался законопроект о введении смертной казни за ограбление церкви. Видимо, и тогда уже эта мера кому-то из депутатов казалась слишком суровой. Но известный консервативный публицист и правый политик Луи Бональд выдвинул такой аргумент в ее защиту: закон «отсылает преступника к его настоящему судье». По сути, им был предложен рафинированный вариант человеческих жертвоприношений, запрещенных в христианстве, или «Божьего суда», в XIX веке уже не применявшегося. Но идея о непосредственном участии высших существ в земной жизни естественна для любой религии.

Отсылка Бональда к высшему суду, вероятно, более соответствует сути христианства, чем современное судопроизводство, для которого бога не существует. Сейчас во Франции даже самый консервативный мыслитель вряд ли рискнет повторить аргумент Бональда – времена не те.

2. Безусловно, цена жизни различна в зависимости от того, рассматривается ли земная жизнь как самостоятельная ценность или как этап на пути к чему-то иному. Бональд исходил из второго, что сегодня и на Западе, и у нас не принято, и не только среди атеистов. Высокий процент самоубийств в Японии, иногда, с нашей точки зрения, по незначительным причинам (после повышения в 1973 году цен на бензин бывали случаи самоубийств шоферов), некоторые авторы объясняют буддийскими традициями. Не повезло в этом рождении, зато, может быть, будет лучше в следующем.

3. А вот пример из другой области. Почему такое впечатление, особенно на Западе, произвел «секретный» доклад Н. С. Хрущева на XX съезде? Освобождение заключенных и посмертная реабилитация к тому времени продолжались более двух лет, и начал этот процесс не Хрущев. Но именно публичное признание массовых репрессий и, что важно, признание их необоснованности вышло за рамки простого исправления ошибок и стало во многом поворотным историческим событием. У нас после него любые массовые репрессии стали невозможными (идеи о возможности их возобновления, имевшие хождение в 1983, 1985, 1996 годах, были либо блефом, либо плодом воспаленного воображения). В Западной Европе доклад Хрущева (разумеется, помимо воли его автора) оказался точкой, после которой пошло на спад коммунистическое движение. За полтора месяца до доклада на выборах во Франции коммунисты заняли первое место с выдающимся результатом, а менее чем через три года французы выбрали де Голля. Советский опыт был привлекателен во многих отношениях, но когда вдруг обнаружилось, что в СССР человеческая жизнь, уже достаточно дорогая в Европе, ничего не стоила, наступило разочарование. В одних странах компартии раскололись или сникли, в других сохранились организационно, но идеологически сменили вехи и перешли к еврокоммунизму, т. е. варианту социал-демократии. Доклад Хрущева не был воспринят столь остро в Азии, Африке и Латинской Америке, где пик влияния СССР еще был впереди. И, может быть, отчасти и потому, что там цена жизни была другая.

4. Почему московские процессы 1936–1938 годов, хорошо известные на Западе, не произвели такого впечатления? Они могли действовать на тех, кто и так не любил СССР, но не на левых. Другое было время. Весь период борьбы против фашизма господствовала идея ответственности за преступления. Сразу после войны во Франции казнили П. Лаваля, в Норвегии – В. Квислинга, и общественное мнение, безусловно, это одобряло. Г. Е. Зиновьев и Н. И. Бухарин западными левыми до 1956 года воспринимались как советские лавали и квислинги. Но через десять с лишним лет после окончания войны настроения во многом изменились, и казнь Имре Надя даже теми, кто не одобрял его действий, воспринималась как ненужная жестокость. Казнь Н. Чаушеску Запад простил (слишком высоки были ставки), но она уже была нетипичным для того времени событием. Сейчас смертная казнь на Западе (в Европе особенно) все более воспринимается как недопустимая мера независимо от тяжести преступления. У нас цена человеческой жизни все-таки другая, и массовое отношение к смертной казни иное. На Западе оно было иным еще в 1945 году.

5. Военная мощь США намного превосходит мощь любого другого государства, но уязвимым местом оказывается слишком высокая цена жизни американца. С военной точки зрения США не проиграли во Вьетнаме, но потерь стало так много, что сверхдержаве пришлось с позором удалиться. Сейчас к этому идет дело в Афганистане и Ираке. В Югославии в 1999 году не убили ни одного американца (не потому ли, что это уже отчасти европейская страна, и там, например, не нашлось ни одного смертника?), и США всех целей легко добились. Кстати, и мы афганскую войну не проиграли, но в изменившейся политической обстановке в СССР человеческая жизнь возросла в цене, и пришлось выводить войска.

6. Нельзя считать, что цена человеческой жизни даже в Европе неуклонно растет, бывает и обратное. Людей, воспитанных на принципах Нюрнбергского процесса, могут удивить слова пушкинского Петра: «Зачем король не средь гостей? Зачем изменник не на плахе?» С точки зрения людей, живших в середине XX века, Карл и Мазепа подлежали казни, если бы не бежали. Но исторически было так, как у Пушкина: побежденный монарх в Средние века оценивался не так, как простой подданный, даже дворянин. Уже публичная казнь Конрадина в XIII веке воспринималась как преступление (см. Данте), позже во всей Европе так относились к казням Карла I

и Людовика XVI (отголосок этого в наше время – признание у нас святыми среди всех жертв именно царской семьи). А убийства Ричарда II в Англии, Петра III и Павла I в России скрывали (реальные Макбет и дядя Гамлета убивали своих предшественников открыто, а у Шекспира в соответствии с понятиями его времени убийства стали тайными). В XX веке это потеряло значение (на Западе, но, видимо, еще не у нас). А у нас, безусловно, цена человеческой жизни росла с 1945 по конец 1980-х годов, но после резко упала и только в последние (более спокойные) годы стала постепенно подниматься.

7. Одна из обид японцев на Америку за Вторую мировую войну – то, что в джунглях американцы, бывало, скальпировали попавших в их руки японцев. Для них японцы казались не совсем людьми. В то же время гитлеровских солдат американцам не приходило в голову скальпировать, раз они похожи на нас.

8. В период распада СССР выявилась разная цена жизни в разных его частях. Огромное впечатление и в Москве, и на Западе, и, разумеется, в Литве и Латвии произвела гибель людей в Вильнюсе и Риге в январе 1991 года. Всех знали поименно. В те же дни намного большее число убитых было в Южной Осетии, но никому за ее пределами до них не было дела. В Москве толпы интеллигентов приходили сочувствовать к литовскому постпредству, а осетин никто (кроме, может быть, землячества) не поминал. Биографии этих жертв никому не известны и по сей день. Такая неравномерность ментальности, вероятно, стала одной из причин распада СССР (конечно, не единственной, но существенной)...